

Марта Матвеева

Увертюрное
вступление

34 рассказа

12+

Марта Матвеева

Увертюрное вступление

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51575643

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-07268-8

Аннотация

В сборник вошли 34 рассказа десяти последних лет. Начинает книгу «Смерть в гамаке, или Увертюрное вступление», а завершает «Начало новой жизни». Все миниатюры и рассказы были представлены на разных сайтах, и вот теперь они собраны под одной виртуальной обложкой. Темы – самые разные. От любовных приключений до поиска себя в парадоксальном, нелепом, но таком замечательном мире!

Содержание

Смерть в гамаке, или Увертюрное вступление	4
Дух противоречия	12
Колыбельная для Маши	16
Двойница	21
Возврат	24
ЗЛ	28
Гм с планеты Ягдес	31
Читай по губам	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марта Матвеева

Увертюрное вступление

Смерть в гамаке, или Увертюрное вступление

Наверное, вы замечали, что у людей нашего круга, кроме первой, основной профессии, есть ещё и вторая. Чаще вторую профессию называют хобби, но не думаю, чтобы это было правильно. Хобби можно сменить, можно забросить, а профессию, если она любимая, сменить нельзя – в ней вы будете совершенствоваться до бесконечности. Где он, тот потолок, до которого вам можно расти? Его нет. В любом сложном деле такого потолка не найти.

У моего друга была именно такая профессия *number two*. Редкая по теперешнему интернетно-компьютерному времени. Мой друг был собирателем историй. Где он их выискивал? Не знаю! Даже представить себе не могу, каким образом, обретаясь всю жизнь в небольшом – совершенно небольшом! *place* (или *town*? в подобных дефинициях я не сильна) – он мог находить, запоминать, а потом мастерски рассказывать свои истории. Вполне возможно, он их придумывал... Или попросту переплавлял новостные ленты СМИ,

делая из всяческой невообразимой чепухи удивительно захватывающие, то искрометно-юморные, то безнадежно-трагичные, рассказы. Они имели связный сюжет, любопытную фабулу. По мере изложения рассказы обрастали разными подробностями, но, как правило, неожиданно и резко обрывались. Оборвавшись, они уже не имели никакого шанса быть продолженными. Все мои попытки разговорить друга на тему прошлой истории были обречены на провал. Он либо театрално хватался за голову и почти сползал со стула под стол, либо незаметно, как фокусник, застёгивал свой твидовый пиджак на все пуговицы и надолго замолкал, либо шёл к ловкому мальчику за стойкой, чтобы срочно заказать «ещё один кусочек». Да-да! Он так и говорил: «Ещё один кусочек!»

Здесь необходимы небольшие пояснения. Мы встречались с моим другом в маленькой пиццерии, имевшей имя не то африканского попугая, не то австралийского утконоса – для наших почти северных широт название было экзотическим и потому тёплым, влекущим. Встречались всегда в один и тот же день – в субботу, между 16.00 и 16.20. В том смысле, что он всегда приходил к четырём, а я опаздывала – то минут на пять, то на семь, а то и на все тринадцать.

В субботу, о которой пойдёт речь дальше, со мной случилось непредвиденное: я пришла раньше моего друга! Такая необычность была связана с тем, что мне в тот день вообще было некуда пойти: все мои ученики разом отменили свои уроки, а их родители, усевшись в новенькие авто, помчали

отпрысков к бабушкам на фермы, к дедушкам на деревни или к тёткам в глушь, как водится, в Саратов. Я и сама когда-то страшно любила такие «загулы» с родителями, которые позволяли избегать занудства со стороны моего стула перед стареньким пианино. (О, сколько бы я сейчас отмерила медяков доброму волшебнику с лампой Аладдина или с портативной машинкой времени за единственную малость: посидеть на шатком своём стульчике перед бело-чёрной улыбчивой пианинной пастью!).

Вы можете смеяться, но на этом вступление к моей истории не завершилось. Как в большинстве жизненных историй, вся важность, весь кайф и непередаваемо особое ощущение новизны состоит именно во вступительной части. К чему угодно! К книге ли, к научной ли работе, к опере – а в этом случае вы будете иметь удовольствие послушать увертюру (ах, «Севильский брадобрей», как давно я не слушала к тебе увертюру!) – или к нашей детективной, как потом оказалось, истории, рассказанной моим другом.

Сидеть в одиночестве было скучно, я оглянулась по сторонам, задержавшись на секунду взглядом за массивную дверную ручку (мне вдруг показалось, что она повернулась), припомнила сначала Штирлица и его встречу с женой в кафе, потом Стивена Кинга и его повесть о жутких монстрах, пожирателях времени и пространства. На фоне тихого таривердиевского «Я прошу, хоть ненадолго, боль моя, ты покинь ме-

ня...» в моей голове зазвучал закадровый голос: «...Когда в международном аэропорту солнечно и спокойно, но на территории аэродрома нет людей, уши будто заложило, и звуки стали глухими, в здании аэропорта также никого, продукты и напитки совершенно лишены вкуса, все часы стоят, показывая семь минут пятого, нет электричества, всё кажется каким-то ненастоящим, то это значит одно: мы прибыли в аэропорт раньше положенного времени, и жизнь ещё не началась». Именно так! Пока не пришёл человек, с которым у вас назначена встреча, ваша жизнь как будто зависла на какое-то время между небом и землёй, как тот самый лайнер над морем... Или гамак, натянутый между двух крепких столбиков.

Мне стало неудобно и одиноко. Пришлось встать, подойти к стойке. «А какой ещё у вас есть коктейль?» Именно в этот момент я вздрогнула, потому что...

«По-видимому, кто-то подпилит столбики, за которые крепился гамак, но не полностью – только через какое-то время бедный Мэтью всем своим центнером рухнул прямо на притоптанную и оттого твердую, почти как асфальт, землю, получив страшной силы удар свалившейся сверху деревянной стойки. Наутро все газеты вышли с сенсационными заголовками, сообщая о трагической гибели Мэтью Брауна. Один из них гласил: «Смерть в гамаке! Сочинитель детективных романов скончался, не дописав последней страницы!» Приветствую тебя, посланница субботы!»

Не вызывало никаких сомнений, что мой друг явился с опозданием и, дабы загладить вину, немедленно приступил к делу – начал рассказывать очередную историю, а заодно поприветствовал меня. Мы сделали заказ, устроились за столиком и услышали практически одновременно, как мой молочный коктейль при втягивании в трубочку смешно заурчал остатками на дне, давая понять: пора, брат, пора приступать к подробностям истории с Мэтью! Отставив стакан с фирменным птеродактилем на стекле, я воззрилась на моего визави.

– Спешу тебе сообщить, что на прошлой неделе ушёл в мир иной известный, даже, можно сказать, известнейший, писатель, автор детективных романов, которыми зачитывался весь мир и которые имел честь переводить твой покорный слуга, – в этот момент мой друг поклонился с элегантностью английского лорда, а я не преминула изобразить удивление, выпучив глаза, и одновременно кивнув в знак полного с ним согласия.

– И как ты думаешь, кто убийца?

– Не перебивай!

– Хорошо! – я сделала вид, что обиделась.

– ...а надобно тебе заметить: образ жизни Мастер детектива вел весьма замкнутый. Много лет назад он удалился от света, поселившись в Калифорнии, в расположенном в горах небольшом домике. Ближайшая деревня находилась в двадцати верстах. Два раза в неделю к дому доставлялись зака-

занные по телефону продукты. Иногда Мэтью сам наезжал в деревню, чтобы выпить рюмочку текилы в компании местных фермеров. Принятый им, фигурально выражаясь, закон о безопасном заборе* позволял совершенно спокойно скрываться за этим ограждением и, в то же время, не допускал назойливого внимания чьих-то сторонних глаз и ушей.

– А жена, дети, другие родственники?.. – снова не выдержала я, а мой друг поморщился:

– Разве ты не помнишь про «самый скверный городишко из всех приморских городов России»?

– Тамань? Какое отношение «скверный городишко» имеет к Мэтью Брауну?

– Никакого! Однако одну из версий убийства я тебе уже изложил. Не исключено, что писатель был связан с контрабандой наркотиков. Другая моя версия не лежит на поверхности... – в этот момент он наклонился к самому моему лицу и продолжил говорить сбивчивым шёпотом:

– Браун... «Браун» – значит «коричневый». Мэтью был чернокожим, понимаешь?! В одном из его романов была описана судьба мальчика из Нигерии, рождённого «вперёд ногами». Младенца сразу после рождения забирает и увозит бездетная пара из Америки. А вся проблема в том, что некоторые племена Амазонии до сих пор избавляются от таких детей, считая их вместилищем злых духов. Если не принять мер, то, по их поверьям, вся семья попадёт под проклятье огненного дракона.

– Полная дремучесть! И вторая твоя версия связана с тайной происхождения Мэтью?

– Именно так, моя дорогая посланница субботы! – рассказчик откинулся на спинку стула.

– И это – всё? – если честно, я была разочарована.

– Ну, почему же? Есть ещё пара-тройка версий...

– Каких?

– Мечь. Ограбление. И – самое вероятное – желание получить наследство.

– У Мэтью были наследники?

– В том-то и дело! У него был сын! Отпетый негодяй, ни дня не работавший и постоянно вымогающий деньги у отца. Мать, певичка в какой-то третьесортной забегаловке, оставила сына, едва он научился говорить...

– Откуда тебе известны эти подробности? – я с подозрительностью прищурилась. Ничего не ответив, мой друг поднялся из-за стола и направился к стойке.

– Ещё один кусочек!

– Какую будете пиццу?

– «Бригитту» с ананасом!

Тут я не выдержала и кинулась к нему:

– Ты не можешь так просто замолчать! Если начал говорить о сыне писателя, говори до конца! Мне нужно знать эту историю до конца, я хочу её опубликовать, понимаешь? Это будет моя первая печатная публикация! У меня её берут... – я уже не владела собой и, вцепившись в рукав, начала тянуть

рассказчика к столику.

– Отпусти, слышишь?! – голос моего друга изменился, стал резким и грубым. – Можете, – он обратился к мальчику, – отдать мой кусочек этой леди!

От неожиданности я выпустила его рукав, и он, повернувшись спиной, зашагал к выходу из пиццерии. Тогда я вернулась на своё место, достала телефон и, подключившись к интернету, произнесла:

– О'кей, Google, Мэтью Браун, писатель, смерть в гамаке...

Верхняя строка бесстрастно сообщила: «Гилберт Кийт Честертон. Рассказы о патере Брауне». Далее шло уточнение: «А значит, отец Браун подошёл к ней минуты через три после её смерти».

* В 2006 году президент Джордж Буш подписал указ № 6061 под названием «Закон о безопасном заборе», который предписывал постройку новых пограничных заборов и обеспечивал погранслужбу дополнительным оборудованием для контроля над американо-мексиканской границей.

Дух противоречия

«...и тогда он обнял меня и поцеловал прямо в губы».

Я закрыла книжку и начала самым сентиментальным образом вытирать слёзы. Рукой вытираю, а они всё текут и текут, как будто во мне находится небольшой резервуар с солёной водой, и именно сейчас он должен быть опустошён. Наконец поток иссяк, и я почувствовала, что тоже полностью опустошена.

Книга была так себе – во-первых, не слишком качественный перевод, во-вторых, имя автора мне ничего не говорило, в-третьих, её мне передал друг моей подруги со словами: «Розовый кисель из всех дырок! Верни Полинке и передай мерси...»

Такие слова мне лучше не говорить. Дух противоречия, живущий со мной в одной квартире уже четверть века, тут же подхватился и побежал:

– Ты мог бы вернуть книжку сам!

– Если бы мог, вернул бы...

– А что, вы до сих пор не помирились?

– Мы до сих пор, да. А если тебе нравится называть мою зависимость «мир», то нет, не помирились.

– Хм... Ты зависишь исключительно от себя, от своей обиды на пустом месте и от нежелания построить нормальные здоровые отношения с Полиной.

– Ты не сможешь передать книжку? Так и скажи! И, знаешь, меня не нужно направлять в ту сторону, которая тебе видится как единственная. Сторон света, если ты помнишь, четыре.

– Вот и иди на все четыре!

– Что?!? На четыре стороны?!? А почему не на три буквы? Я засмеялась, понимая, что напряжённость в разговоре исчезла, и мы с другом моей подруги остаёмся «на связи».

Так попал ко мне переводной томик «розового киселя», а дух противоречия продолжил свою подленькую подпольную работу: я начала читать!

Собственно, моя спонтанность в подобных случаях была и моим жизненным кредо. Наверняка профессор психологии отметил бы, что в подобных случаях я находилась в плену когнитивных искажений. Вполне вероятно, их было много, но самым главным был дух. Дух противоречия. Он незыблемо стоял на страже моей свободы, которую я боялась потерять и судорожно сжимала, как кулачки, когда чувствовала своё полное бессилие.

Мама говорила: «Заходи в воду постепенно, не спеши – пусть тело привыкнет к более низкой температуре...» И я врывалась в водоём с максимально доступной мне скоростью, преодолевая напор воды, мамины крики за спиной и свой страх перед водной стихией, потому что впереди меня ждала свобода! Свобода никогда меня не подводила и не обманывала – она вибрировала во мне радостными волнами,

и я выплёскивала её словами Хабанеры, упиваясь собственным голосом: «У любви, как у пташки крылья, её нельзя никак поймать, тщетны были бы все усилья, но крыльев ей нам не связать!» И точно знала: если я буду свободна, поймать меня не сможет никто!

Когда профессор имени другой науки говорил: «Деточка! Вот здесь... и здесь... – и его восковой палец с длинным, как будто специально заострённым для специфической процедуры ногтем проводил ровную линию под напечатанной строкой, – вам следует изменить порядок слов, что непременно повлечёт изменение смысла, которое в данном контексте нам и необходимо как воздух», – я мысленно показывала ему кукиш, а в реале, пока он был увлечён своей правотой, язык. И ничего не исправляла! Разумеется, мне ничего и не засчитывали, меня громили и давили, и я сдавалась, но сдавалась свободной и внутренне уверенной: меня не победили!

«Белые рубашки маркие, быстро пачкаются в районе ворота и рукавов, их нужно ежедневно стирать, отбеливать, они не для нашего промышленного города, а потому носить белые рубашки – нонсенс!» – говорила мне моя подруга Полина.

Наревевшись вволю, я умылась, надела белейшую рубашку и джинсы и отправилась к другу моей подруги, чтобы отдать ему книгу, которую должна была вернуть Полине.

Он вышел мне навстречу из гаража. Руки его были в солярке... ну, или в чём-то похожем на солярку, хотя я даже

не представляю, как она выглядит. Одним словом, грязные были у друга моей подруги руки.

– Привет! Я тебе книгу принесла.

– Привет! Зачем?

– Верни её Полинке, да не будь Растяпой смурфиком – используй момент для примирения! Когда-то вам нужно помириться, ведь вы...

На этом месте я притормозила со своей пламенной речью наполовину свахи, наполовину строгой мамыши двух непутёвых детишек, потому что совершенно не представляла, в чём состоит это самое «ведь вы...». Притормозила и посмотрела в глаза друга моей подруги...

...и тогда он обнял меня и поцеловал прямо в губы.

Колыбельная для Маши

У неё был неудачный роман. Или, с большой буквы: неудачный Роман. Вот, так точнее. Её парня звали Роман, и они расстались, причём она страдала ужасно, а он... стоп-стоп! Решила не думать об этом ничтожестве – и не будет думать.

Пережить разочарование в любви помогла Ирка, подружка. Она, как обычно, прибежала без звонка, будто у неё особое чутьё на «когда все дома» и затрещала-защебетала:

– Ой, Машка, ну, ты даёшь! Опять сидишь с математиком Перельманом в обнимку?

Так Ирка всегда называла любой Машин учебник. Маша училась в Бауманке, поступила без блата и денег, самостоятельно, на бюджет, специальность выбрала поближе к медицине, которую любила безумно, но поступать в медицинский не рискнула – химия ей не давалась.

– А я и не удивляюсь, что Ромка слинял и потерялся в толпе. Вот скажи, какой у тебя *make-up*? Да никакого! Ходишь как неухоженный газон – глаза не выделены, брови не оформлены, линия губ не скорректирована – какому нормальному мужику такое понравится?

Маша с трудом сдержалась, чтобы не ответить Ирке побольнее на замечание про Романа. А ведь в чём-то подруга была права. Или не права? Маша, действительно, не считала,

что нужно себя разрисовывать, как Ирка, всякий раз перед выходом «в свет», даже если «свет» – только двор перед девятиэтажкой. В общем, Маша не красилась из принципа.

– Слушай, моя подруженька милая! – гаденьким голосом Ирка выделила последнее слово, достала какую-то рекламку и начала читать уже официальным тоном, как будущая бизнес-леди или Эвелина Хромченко на заседании «Модного приговора»: «Женщина-вамп нравится всем мужчинам. Ну, или почти всем, даже если некоторые из них это отрицают. В женщине-вамп много скрытой сексуальности, она волнуется, зажигает, воспаляет, обладает безупречным чувством стиля и слишком много времени тратит на себя любимую. Это плохо? Совсем наоборот! Её напускная холодность распаляет ещё больше. Она легко ловит мужчину на крючок, слегка поманив пальцем, и потом долго играет с ним как кошка с мышкой».

Ирка победно взмахнула рекламкой, достала свою косметичку, похожую на сумку средних размеров, и приступила к Машиному лицу.

Вот так и спасла Ирка подругу, загрузив её ежедневным «делом» под названием макияж. Маша старательно красилась по утрам, смывала лицо специальным молочком-скрабиком по вечерам, приучила к себе, вампирной, всех домашних, но ни одного мышиноного короля так и не поймала.

– Ты могла бы чуть-чуть улыбаться хоть иногда? – спрашивала её Ирка.

На что Маша ехидно замечала:

– А кто-то говорил, что достаточно сделать себе «лицо», и мужчина твоей мечты тут же окажется у твоих ног!

Время шло, и однажды Маше показались смешными её чувства к Роману и нелепые попытки сыграть с кем-то неизвестным в кошки-мышки. Она вернулась к себе прежней – без визажа-макияжа.

В то утро она пришла на кухню – мама, как обычно, уже пару раз прокричала ей, что пора завтракать, и братишка-десятиклассник с насмешливой торжественностью объявил:

– А вот и несравненная и непревзойдённая по уму и красоте Мария Стюарт! – и тут же продолжил: – Make-up больше не украшает Ваше нежное личико?

Мама взглянула на неё, с беспокойством спросила:

– Доченька, ты что-то бледненькая какая? Не заболела?

Маша подошла к ней, обняла и чмокнула, куда пришлось. Пришлось в мелкие завитки на макушке – Маша была высокой девушкой. «Вот так! Буду теперь снова серой мышкой, и попадусь в лапы какому-нибудь коту-воркоту». Тут Маша вспомнила, как в детстве мама пела ей одну и ту же колыбельную: «У кота-воркота колыбелька хороша! Приди, котик, ночевать, нашу деточку качать!» – и улыбнулась.

После университетских пар девушка не поехала домой, а по синей ветке метро быстренько добралась до Старого Арбата. Она любила эту улицу, любила наблюдать, как работают художники. Она даже определила для себя два их ти-

па: Китобои и Коробейники. У Китобоя для рекламы есть парочка вылизанных до фотографической чёткости портретов голливудских звёзд: Брюса Уиллиса, Бреда Пита, Джулии Робертс. Он пишет портреты исключительно масляной краской на больших листах ватмана, по несколько часов вымучивая богатого Кита. А вот Коробейник тихо подкрадывается к какому-нибудь иностранцу и начинает его быстренько портретировать, а потом настойчиво требует свои кровные.

Маша стояла, наблюдала, ела мороженое, пока не обратила внимание, что сама – нет, ну, каков нахал! – тоже стала «жертвой» Коробейника.

– Что вы делаете? – она оторопело воззрилась на молодого художника.

– Пишу Ваш портрет.

– Пишете мой портрет?

– Да, у вас яркая внешность.

– У меня яркая внешность?

– И денег мне не надо.

– И денег вам не надо?

– Слушайте, девушка, вы так и будете повторять мои слова, как коллеги доктора Хауса, или всё же назовёте своё имя, чтобы я сделал дарственную надпись?

Маша, конечно, поняла, что симпатичный художник сделал ей комплимент, что с помощью портретирования он решил с ней познакомиться и что она сейчас, следуя его сценарию, должна назвать своё имя, но Маша решила сначала

выяснить самое важное для себя:

– Вы смотрите сериал про доктора Хауса? – сама она просто обожала сериал (недоступная и любимая медицина!) и жёсткого и циничного, но такого умного и честного Грегори Хауса. – Разве мужчины смотрят сериалы вообще, а медицинской тематики в частности?

Вместо ответа на вопрос художник процитировал:

– Кто вам нужен? Доктор, который держит вас за руку в то время, как вы умираете или доктор, который вас игнорирует в то время, как вам становится лучше?

Маша подхватила:

– Врачи должны лечить болезни, а те, кто лечит пациентов, не вылезают из тоски.

После этого они почему-то одновременно засмеялись, потом Маша всё-таки сказала, что её зовут Маша, а художник сказал, что его зовут Костя. «Приди, Котя, ночевать, нашу деточку качать!» – быстро-пребыстро пропелось внутри у Маши, это воспоминание её ещё больше развеселило, она снова засмеялась и с удивлением заметила, что Костя смеётся тоже. «Мысли он мои читает, что ли?»

Двойница

Как назвать человека, мужчину, который очень или практически полностью напоминает, повторяет другого человека, долго объяснять никому не нужно. Двойник. Мне довелось встретиться с иным явлением. Или феноменом. Точнее, с иной... В общем, это была женщина. Двойница, – так я для себя её обозначила.

Потеряв однажды кого-то из знакомых, родных или близких, нужно пребывать в абсолютной уверенности и знать наверняка, что на планете Земля, такой зелёной, а из космоса – голубой, такой огромной, населённой, даже перенаселённой в некоторых местах, вы уже никогда с ушедшим не увидите. Почему? Объяснений здесь два. Первое. Вы точно знаете, что «оттуда» не возвращаются. И второе. Вы уверены: другого такого знакомого, родного или близкого человека вам больше не встретить. Из-за уникальности. Ну, нет такого второго, хоть кричи, хоть молчи! Его нет! Больше его нет! Всё! Вопрос закрыт! И снова спрашивать себя «почему?» не имеет никакого смысла.

Самое парадоксальное во всей этой объективной реальности то, что после ухода кого-то из знакомых, родных или близких, этот ушедший навсегда человек вам будет встречаться! Или мерещиться. Являться. Мелькать, преследовать и настигать. В мыслях, в снах, за окном, на людном пере-

ходе и в тишине музея, за столиком ближайшей кафешки и в толчее вокзального пространства... Наваждение! Вы будете жадно провожать глазами ускользящий силуэт, будете оглядываться ему вслед, пытаясь поймать знакомый образ, и не однажды сделаете попытку не отпускать его, секундно и свято веря: вы обладаете сверхъестественными способностями, а потому у вас получится! Не отпустить. Остаться рядом... Подышать одним воздухом, посмотреть в одну сторону, восхититься одним пейзажем...

Она сидела в шезлонге и смотрела на море. Нисколько не удивившись, что встретила её здесь, я подошла. Мы разговорились. Она по-прежнему ласкалась к моему лицу взглядом серо-голубых глаз, как и раньше, улыбалась краешком губ и привычным для всех нас, знавших её, движением убирала за ушко прядь тёмно-рыжих вьющихся волос. Раскрыв друг другу с десятков женских секретов, мы решили поплавать. Она пошла впереди, и я обмерла: её бёдра по-прежнему смотрелись чуть шире, чем нужно, а ноги – немного короче, чем ей хотелось. Тем не менее, загорелая фигурка была стройной... размер сорок четвёртый, не больше. Она худела неистово, а, похудев, приобретала сходство с любимой героиней американского сериала, которая знала о сексе всё и не боялась сказать об этом.

Мой друг, как и было условлено, ожидал меня в холле. Мы подошли, я представила новую знакомую. Он внимательно взгляделся в лицо женщины и, как будто ничего не случи-

лось, поддержал разговор. Когда мы остались наедине, он, не скрывая изумления, воскликнул:

– Это же ...! – и он назвал имя моей подруги, которую прекрасно знал.

– Правда?!? Ты тоже обратил внимание на сходство?

– Обратил внимание?!? Да я полностью поверил в её присутствие! А кто она?

Мне очень хотелось сказать, что моя новая старая подруга, как и была, осталась художницей, что она продолжит писать мой портрет, который не успела когда-то закончить, и что через месяц она улетает на стажировку в Италию, а буквально на днях в известном издательстве выходит книжка моих стихов с её иллюстрациями...

– Она работает в местной парикмахерской. И я уже записалась к ней на стрижку и укладку...

Возврат

*То единственное,
что хочется больше всего в жизни,
как правило, нельзя купить за деньги*
Мэрилин Монро

– Надо же так! Он настоящий! – Мэри повертела в руках человечка. Тот покосился на неё, смолчал, поэтому она спросила:

– А говорить он умеет?

Продавец пожал плечами:

– Это первая партия, нам завезли их буквально час назад, ещё даже в зал все коробочки не вынесли. Почитайте инструкцию – там всё должно быть...

– А цена? Они дорогие, наверное?

– Для вас... – он окинул её «фасад» риелторским взглядом, – мы сделаем скидку. Процента три. Устроит? И посмотрите цвет глаз повнимательнее. Обычно дамам вашего эээ... круга нравятся темноглазые, с поволокой...

Она машинально последовала его совету и, повернув человечка к себе лицом, взглянула ему в глаза...

– Нет. Этот голубоглазый.

– Не будете брать?

– Буду. Брать.

– Значит, я выписываю чек?

Она поставила человечка на прилавок и, прежде чем продавец сгрёб существо, чтобы завернуть в шуршащий дырчатый пакет, успела заметить, как тот виновато пожал худенькими плечиками... «Действительно, – подумала Мэри, – разве он виноват в том, что его сделали голубоглазым, что именно его первым достали из коробки и показали и в том, что он мне сразу понравился?» Она вспомнила мультик про Чебурашку и мысленно кивнула единственному зрителю в зале, который аплодировал прозорливости писателя Успенского, с чьей малой родины в ближайшую «Пятёрочку» регулярно завозили горчицу в баночках.

«Ой, а я горчицы куплю и сосисок! – с радостью подумала она, когда вышла из троллейбуса на своей «Садовая, дом 6», размахивая фирменным пакетом, – они обычно любят сосиски с горчицей...» Кто такие «они», было неважно. «Они» где-то всегда существовали, в каком-то другом измерении. «Они» ходили на премьеры фильмов; торопливо застёгивали молнии на платьях своих жён перед тем, как сесть в Maserati; «они» смотрели на метеорный поток Персеид в телескопы, выходя на громадные, как палубы, балконы, обутые в фирменные домашние туфли с задранными носами; «они» за два часа до надрывного звонка биржевого брокера узнавали, что акции «Мечела» на Московской бирже рухнули... И на ужин «они» обычно любили съесть пару сосисок с егорьевской горчицей. Да! И с зелёным горошком. Непременно той

самой фирмы, звуки от названия которой так приятно перекачиваются во рту, если немного, без педалирования, пожеманничать, стараясь совпасть с мужским идолом по имени Мэрилин на растиражированном фото: Von-du-elle!

– Знаешь что?

– Что?

– Давай на «ты»?

– Мне трудно перейти с вами на «ты».

– Почему?

– Вы взрослая, серьёзная. Традиционная... «Ты» – это девчонка из соседней квартиры. Её тянет за собой на поводке Белый-Бим-Без-Чёрного-Уха, а она ещё упирается, дурёха. «Ты» – это худышка с синей ящеркой, несмываемо сидящей у неё на плече и готовой нырнуть в темноту причёски, когда она торопится на собеседование в крутую фирму. «Ты» ходит в кедах с шнурками фиолетового – на правом и красного цвета – на левом, купается в фонтанах и орёт как сумасшедшая «Fuck You!» вместо пристойного «Forget You», слушая See Lo Green... «Ты» не кормит мужчин сосисками из нитратов, нитритов, фосфатов, кошенили и каррагинана, пытается прикрыть эту химозу егорьевской горчицей и консервированным горошком...

– Значит, я – не «ты»?

– Нет. Не «ты»...

– Здравствуйте! Вы не могли бы у меня его... в общем, я

решила вернуть товар.

– Не подошёл?

– Не подошёл. По цвету глаз. Нужно было темноглазого
братъ. С поволокой.

ЗЛ

Снова вошли в моду аббревиатуры. Учебник истории, с которым Уля не расставалась на Земле, тайно был запрятан ею в рюкзачок и летел на Марс, в отстроенный землянами город ЯС (Яблоне́вый Са́д).

Сев в звездолёт, она начала читать главу об СССР, о страсти, которую питали люди из прошлого к разного рода сокращениям и, шевеля губами, как будто пробуя на вкус заморские вина, проговаривала: ГОЭЛРО, ГОСТ, ГОПУ, ГКО, ЖЭК, ЗИЛ, ИО, ИТУ, КИП, КГБ, МИД, НИИ, НИИИ БТВТ, ОГРВП, ОКПП, РЯО, СДЛ, СИЗО, ТК, УК... Потом, предварительно запросив персональные данные из ЦУПа, она обратилась на хинди к соседу справа:

– Профессор, скажите, а почему снова вошли в моду аббревиатуры?

Тот покосился на её учебник, улыбнулся неожиданно светло и ответил совершенно невпопад:

– У меня сегодня ДР!

Она не удивилась, что он перешёл на её родной русский, и попыталась понять смысл резанувшего сочетания «ДР».

– У вас сегодня Доброе Расположение? У вас сегодня Детальное Расследование? У вас сегодня... День Рождения?!? Оу! Почему вы не сказали мне об этом сразу? – она начала мысленно формулировать заказ подарка для мужчины,

индийца, шестидесяти четырёх лет, неженатого, профессора космологии, коллекционера марок, игрока в гольф и любителя верховой езды... Остановившись, Уля вдруг поняла, что справка из ЦУПа должна была содержать информацию о дне рождения соседа... но не содержала... значит...

Их время, новое ВС (Время Счастья), отличалось от прошлого тем, что люди друг друга никогда не обманывали. Они говорили одну только правду, чистую правду и ничего, кроме правды. Данное правило не нарушалось никогда и ни при каких обстоятельствах. Никому не приходило в голову обмануть ребёнка, пообещав ему новый красный вертолётик в обмен на послушное поглощение ненавистного, но полезного пюре из брюссельской капусты... Ни от одного умирающего ни один доктор не скрыл диагноз и оставшееся ему время дожития... Ни один муж, решивший покинуть семью ради новой влюблённости, не оставил в неведении на этот счёт свою супругу и детей...

Значит... Уля покосилась на соседа: выражение его лица выражало что угодно – мрачность, сосредоточенность, задумчивость, утомление, равнодушие, бесстрастность – но никак не Доброе Расположение.

– У вас сегодня Детальное Расследование? – он кивнул утвердительно.

Уле стало жарко. Она попыталась быстренько спрятать учебник в рюкзачок, но Профессор перехватил её руку, больно сжав запястье... Она вынуждена была разжать паль-

цы и спросить:

- Что со мной будет?
- Вас высадят из звездолёта.
- Как? Когда?
- Через ЗЛ. Сейчас.
- ЗЛ – это Звёздный Легализатор?

Профессор усмехнулся:

- Нет, ну, что вы? ЗЛ – это Запасный Люк.

В этот момент пол под ногами Ули стал почти прозрачным и разделённое пополам светом и тенью космическое пространство в последний раз продемонстрировало ей улетающую в небытие голубую Землю.

Гм с планеты Ягдес

Ему снился сон. Две огненные вспышки – огромная и маленькая, разделённые временным интервалом, – дважды обожгли его. От страха, перешедшего в боль, он вздрогнул и проснулся в полной безнадёге, но с ясным пониманием, что огромная вспышка уничтожила корабль, а маленькая... Когда придёт время, он обязательно напишет об этом фантастический рассказ. Фантастический, потому что никакой планеты Ягдес никогда не существовало, никакой космический корабль с неё на Землю не прилетал и его, Гладкова, родословная не могла начаться в кайнозойскую эру...

Гм был в плохом настроении и потому тяжёлыми прыжками отправился на берег озера – маленького и заросшего тростником. Он часто ходил к озеру, чтобы отвлечься от неприятного ощущения, возникающего в середине груди. Там он слушал, как ветер поёт свою ветреную песню, играя на обломках полых тростниковых трубочек.

Вот и сейчас он присел, подогнув под себя одну ногу, но тут же вскочил и резко, даже со злостью, сломил тростник. Ему вдруг захотелось стать ветром, могучим и сильным, чтобы управлять облаками, дождём и тростником.

Трубочка была крепкая, нужной, как показалось Гм, толщины. Он неловко взял её пальцами, поднёс ко рту и устро-

ил ей ветер. Звук получился схожий с тихим постаныванием Зы, когда она порезала руку, очищая шкуру скребком. Гм улыбнулся, потому что и звук ему понравился, и воспоминание о Зы – тоже.

Он повертел трубочку, немного сжал её и, сам того не желая, длинным чёрным ногтем, которым так удобно было вспарывать брюхо пойманным рыбам, проколол тростник в нескольких местах. Уже ни на что не надеясь, он неуклюже взял трубочку, где-то зажав отверстия, и снова в неё подул.

Что это было? Подул сильнее и застыл: трубочка зазвучала как цикады, что встречали их с Зы по вечерам у пещеры. Гм забыл о боли в середине груди. Теперь он будет играть на трубочке, как ветер, петь, как цикады и все – и старый Ры, и молодые Ва и Ку – будут его слушать...

Ева застегнула на страб идеально севшую по фигуре шкуру. Жаль, что не было зеркала. Она бы сейчас не отказалась повертеться перед ним, разгладить рукой (или лапой?) густую шерсть и оценить, какая из неё получилась австралопитетка. Мысли её второго «я», закачанного в предэкспедиционный период на подкорку под аббревиатурой ГЖО и имеющие параметры Глупой Женской Особи, помогли хоть как-то смириться с мыслью, что о возвращении на родную Ягдес нужно забыть навсегда – корабль она покинула сразу после приземления и, следуя инструкции, взорвала. Получился праздничный фейерверк, который никто, кроме неё и это-

го тупого полузверя, с которым ей предстоит спариваться, не оценил. Еву по-настоящему рассмешил животный страх первобытного и полное отсутствие у него представлений о прекрасном. Стивен, консультант по межгалактике, предупредил: твоя поездка не будет вояжем, туром или приятной вечерней прогулкой. «Тебе выпало счастье купить билет в один конец», – завершил Стивен очередную беседу ключевой фразой, и Еву накрыло мелодией

One way ticket

one way ticket.

One way ticket

one way ticket.

One way ticket to the blues...*

Ева наклонилась, подняла небольшой, серый в рыжую крапинку, камешек и, испытывая непонятную радость, прицельно метнула в волосатую спину. Спина встретила удар стойко, не дрогнув, и тут же сменилась оскалом тупоносой обезьяньей морды и угрожающим рычанием. Ева видела голограмму первобытного, но реальность оказалась куда красочнее. Она бесстрашно подошла к волосатому вплотную, по-кошачьи потёрлась о плечо и заговорила прямо в большое, обросшее шерстью и украшенное бляшками оранжевой серы, ухо: «Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой уны-

лый июльский вид. Трава поникла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зелёные, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...»**

– Гм, – проурчалось у первобытного откуда-то изнутри...

Проходя подготовку в Межгалактическом Центре, Ева привыкла есть сырое мясо, пить грязную воду и подолгу не мыться. На Земле к этим весёленьким привычкам добавилась ещё одна: принимать ухаживания от всех самцов группы. Молодые Ва и Ку постоянно шлёпали Еву по попе; стареющие, но ещё крепкие Ю и Уб подлавливали у старого бао-баба, пытаясь повалить на траву; старый Ры, нещадно сопя, тыкался ей в грудь плоским носом. Гм неизменно отстаивал у сородичей своё право обладать ею. И не только ею. У Гм был небольшой гарем: Зы, Ева и совсем юная Ло. Земная Миссия настолько захватила Еву, что она сама не заметила, как подчинилась негласным законам группы, заняла место в её иерархии. И место это было далеко не первым. И тогда она дождалась сезона дождей...

Гм был в плохом настроении и потому тяжёлыми прыжками отправился на берег озера – маленького и заросшего тростником. Он часто ходил к озерку, чтобы отвлечься от неприятного ощущения, возникающего в середине груди. Там он слушал, как ветер поёт свою ветреную песню, играя

на обломках полых тростниковых трубочек.

«Сейчас он сломит тростник, проделает отверстия и начнёт отвратительно сипеть на примитивной своей блокфлейте», – Ева смотрела из-за кустов на первобытного и медленно поворачивала страб. Справившись с застёжкой, она сняла шкуру и, осторожно зайдя в воду, неслышно поплыла на призывный свист...

Когда она стала выходить на берег, закатное солнце освещало её со спины. Пушистые рыжие волосы загорелись нимбом над головой. Гм медленно отвёл тростниковую трубочку от губ, долго-долго, целую минуту, смотрел, не отрываясь, на прекрасное видение, потом сорвался с места, кинулся к Еве, бережно обнял и, мягко прижавшись к округлившемуся её животу, зашептал прямо в маленькое белое ушко:

Сравню ли с летним днем твои черты?
Но ты милей, умеренней и краше.
Ломает буря майские цветы,
И так недолговечно лето наше!

То нам слепит глаза небесный глаз,
То светлый лик скрывает непогода.
Ласкает, нежит и терзает нас
Своей случайной прихотью природа.

А у тебя не убывает день,

Не увядает солнечное лето.
И смертная тебя не скроет тень -
Ты будешь вечно жить в строках поэта.

Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор***.

В дверь позвонили. Гладков выругался и босиком прошлёпал в прихожую. Открыл дверь. На пороге стояла Соня.

– Проходи... – буркнул Гладков.

– Ты, как всегда, приветливый и, главное, гладкий! Это у тебя от кого?

– Что именно? «Приветливый» от кого или «гладкий» от кого?

– Гладкий... – она прижалась к нему, по-кошачьи потёрлась о плечо.

– Это у меня от Евы.

– А что от Адама?

– ...

* Композиция группы Eruption

** А. П. Чехов. Степь

*** Вильям Шекспир. Сонет в переводе С. Маршака

Читай по губам

Когда все возможности убедить другого человека исчерпаны, когда ни один довод не действует, когда уже испробованы все способы достучаться, а – бесполезно, то тогда остаётся это средство: читай по губам!

Встреча с Йети была predetermined. Пробираясь по заснеженному лесу, она замечала, что на неё постоянно смотрит какая-нибудь местная тварь: то змея, повисшая на ветке, то осьминог, распластанный по коре, то аллигатор, зацепившийся боком за пенёк... Ей было противно. Вы можете поверить? Противно, а не страшно! Как будто кто-то, кого вы не знали никогда, да и не желали знать, гладит вас по голой ноге чуть выше колени. И приговаривает: «Какая нежная кожа! А там? Ещё нежней?» – и становится не страшней, а противней, и вы стряхиваете эту мерзость с себя, и бегом-бегом-бегом... Ноги вязнут, шаг получается коротким, в валенки набивается снег, вы останавливаетесь, чтобы отдышаться и, интуитивно доверившись самому ровному и гладкому берёзовому стволу, прислоняетесь к нему.

Она прислонилась спиной к стволу и начала стаскивать с ноги валенок, вытряхивать из его нутра снег. Одну рукавичку пришлось снять, бросить рядом.

– А если я тебе её не отдам? – Йети явно издевался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.